

СОБИБОР

**ВЗГЛЯД
ПО ОБЕ СТОРОНЫ
КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ**

Редакторы Л. Терушкин, К. Пахалюк

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

Сборник

**Собибор. Взгляд по обе
стороны колючей проволоки**

«Яуза»

2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

Сборник

Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки / Сборник — «Яуза», 2018 — (Военно-исторические книги издательства «Яуза»)

ISBN 978-5-6040916-5-4

Нацистский лагерь уничтожения Собибор... Более 250 тыс. евреев уничтожены за 1,5 года... 14 октября 1943 г. здесь произошло единственное успешное восстание в лагерях смерти, которое возглавил советский командир Александр Печерский. Впервые публикуются последняя и наиболее полная версия его мемуаров, воспоминания многих соратников по борьбе и свидетельства «с другой стороны»: тех, кто принимал участие в убийстве невинных людей. Исследования российских и зарубежных авторов дают общий контекст, проливая свет на ряд малоизвестных страниц истории Холокоста.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040916-5-4

© Сборник, 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Исследования	6
Предисловие	6
Пахалюк К.А., Терушкин Л.А	9
Холокост. Краткая история	9
Сельма Ляйдесдорф (Нидерланды)	26
Собибор глазами выживших	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки

© ООО «Яуза-каталог», 2018

© Российское военное-историческое общество, 2018

© НПЦ «Холокост», 2018

Исследования

Предисловие

Вниманию читателей предлагается сборник, приуроченный одновременно и к 75-летию восстания в лагере смерти Собибор (1943–2018), и к 110-летию со дня рождения лидера восстания Александра Печерского (1909–2019). Издание, которое Вы держите в руках, является итогом сотрудничества Российского военно-исторического общества и Научно-просветительного Центра «Холокост». Недавно уже вышел ряд книг, посвященных этим событиям. В чем же новизна этого сборника? И почему мы полагаем необходимым обратиться к данной теме еще раз?

Мы исходим из того, что Холокост не просто одно из трагических событий первой половины XX в. – масштаб уничтожения и способы его организации были беспрецедентными в мировой истории, а потому они объективно заслужили внимание сотен историков многих стран. Более того, сегодня память о Холокосте занимает центральное место в рамках формирующейся общеевропейской и глобальной культур памяти, ориентированных не просто на «проработку сложного прошлого», но и на использование его для утверждения таких ценностей, как демократия и права человека. Эти исторические события позволяют нам сделать важный моральный урок относительно того, к чему ведет расистская идеология, призывающая объективировать культурные различия между людьми (считая их естественными) и на это основе выстраивающая иерархии «достойных» и «недостойных» народов. Более того, история Холокоста дает возможность осмыслить и другую не менее важную проблему: ответственность каждого человека за те решения, которые принимаются политиками от его имени. Как писал социолог З. Бауман: «Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможность для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения. В системе, где рациональность и этика указывают на противоположные направления, главным проигравшим является человечность»¹. О том, как легко забываются моральные уроки, свидетельствует следующий факт. В 70-ю годовщину восстания в Варшавском гетто в школах польской столицы были проведены опросы, почти 25 % молодых людей назвали концлагерь «успешным проектом» Гитлера².

Немаловажно и то, что сегодня из формирующегося канона истории Холокоста вычеркивается роль тех, кто спас евреев Европы от полного уничтожения, а именно воинов Красной Армии и их союзников. Показательно, что в наши дни в экспозиции музея бывшего лагеря смерти Майданек (Польша) не рассказывается о том, что он был освобожден красноармейцами. Концлагерь просто «прекратил существование». Точно также забывается трагедия советских евреев (около 2,8 млн из 6 млн уничтоженных евреев были гражданами СССР) и их активное участие в сопротивлении нацизму. Подвиг А.А. Печерского – один из наиболее ярких примеров.

К сожалению, даже в России далеко не все готовы воспринять очень простую мысль, что Холокост – это не чужая трагедия, а такая же часть нашей общей истории, как сожженная деревня Хатынь или же блокада Ленинграда. В течение десятилетий память о нем поддерживалась и увековечивалась в основном усилиями еврейских общин и организаций. Давно пора

¹ Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2013. С. 243.

² Полищук М. Взывая из бездны. М., 2018. С. 56.

изменить это совершенно ненормальное состояние, включив эти события в общую историю российской нации.

Примечательно, что память о Холокосте и собственно подвиге Печерского постепенно возвращается в Россию. Ключевая роль принадлежит общественным организациям, таким как НПЦ «Холокост» и Фонд Александра Печерского. Свой вклад внесло и Российское военно-историческое общество. Так, совместными усилиями с Фондом Печерского в 2018 г. в Ростове-на-Дону был открыт бюст А.А. Печерскому, а по итогам совместной инициативы РВИО и РИО улица в честь него появилась и в Москве (до этого лидер восстания в Собиборе был увековечен в топонимике Ростова-на-Дону, Цфата (Израиль) и Кременчуга (Украина)). В 2016 г. он был посмертно награжден орденом Мужества. С целью популяризации подвига в 2018 г. на широкий экран вышел художественный фильм К. Хабенского «Собибор». Еще в 2010 г. режиссер А. Марутян снял документальный фильм «Арифметика свободы» об этом событии.

Многие соратники А.А. Печерского в 2013–2018 гг. были отмечены польскими и украинскими государственными наградами, а также знаками российских общественных организаций. В 2015 г. памятная медаль Российского Еврейского конгресса была вручена С.М. Розенфельду. В октябре 2018 г. на мемориальной церемонии, прошедшей на месте лагеря, объявлено о награждении Орденом за Заслуги перед Республикой Польша одного из руководителей восстания Леона Фельдгендлера (посмертно), чего долгое время добивался Фонд А. Печерского. В это же время в Москве в рамках мероприятий НПЦ «Холокост» и РЕК к 75-летию восстания в Собиборе прошло награждение одного из активных участников восстания Алексея Вайцена (посмертно). Кавалерский крест ордена «За заслуги» посол Польши передал внуку героя Александру Вайцену. Памятная доска в Рязани, на доме, где много лет жил Алексей Вайцен была установлена несколькими днями раньше. Кроме того, благодаря усилиям местных властей появилась памятная доска в Хасавюрте (Дагестан) на доме, где до войны жил другой участник восстания Александр Шубаев.

Составляя этот сборник, мы понимали, что тема Холокоста еще недостаточно хорошо известна широкому читателю. А потому собственно «мемуарная часть» предварена рядом исследовательских материалов. Редакторы сборника написали вводную статью «Холокост. Краткая история», в которой в наиболее сжатой и популярной форме и без претензий на новаторство стремились дать общий исторический контекст, ответив на вопрос: что такое Холокост?

Далее мы поместили (с определенной корректурой фактологических и географических неточностей) перевод статьи профессора Амстердамского университета Сельмы Ляйдесдорф (Нидерланды), которая в 2017 г. выпустила книгу «Саша Печерский» (Leydesdorff S. Sasha Pechersky. Holocaust Hero, Sobibor Resistance Leader, and Hostage of History. New York, London: Routledge, 2017). Преимущество С. Ляйдесдорф, которая рассказывает общую историю Собибора и восстания, состоит в том, что она использовала источники на польском и идише, беседовала с бывшими узниками в разных государствах. Мнение западного историка со своей культурой памяти, полагаем, представляет особый интерес. Между тем с некоторыми выводами и оценками С. Ляйдесдорф мы не готовы согласиться, и научная полемика вполне уместна.

Данный сборник представляет собой первый опыт сотрудничества историков трех государств: России, Нидерландов и Израиля. Мы благодарны доктору Арону Шнееру (Иерусалим), который на основе прежде неизвестных документов написал статью о «травниковцах»: тех коллаборационистах, которые в качестве охранников служили в Собиборе и других нацистских концлагерях. Во второй части мы приводим протоколы допросов и обвинительные заключения из ранее недоступных следственных дел еще двух таких «выпускников» учебно-тренировочного лагеря СС в Травниках, которые дополняют статью А. Шнеера. Все это позволяет увидеть историю Собибора с иной стороны, по другую сторону колючей проволоки.

Однако основная наша задача состояла в том, чтобы донести слова и чувства непосредственных героев тех событий. Основное место занимают до сих пор в полном виде не публиковавшиеся мемуары А.А. Печерского, а именно их последняя редакция начала 1970-х гг. Отметим, что ряд его воспоминаний, вышедших из печати в последние годы, представляют более ранние и краткие версии.

В отличие от предыдущих изданий мы не ограничиваемся только А.А. Печерским, но и «даем слово» его ближайшим товарищам. В частности, мы публикуем свидетельства трех товарищей, а именно С.М. Розенфельда, А.А. Вайцена и А.М. Вайспапира. Акцент мы делали не столько на самом восстании (они описывают его однотипно), сколько на том, каким путем они попали в плен, а потом в Собибор, что делали после восстания, где сражались в 1944–1945 гг.

Еще один раздел посвящен ранее не публиковавшимся письмам 1962–1965 гг. А.А. Печерского, С.М. Розенфельда, А.А. Вайцена и А.М. Вайспапира писателям А. Г. Синельникову и В. Р. Томину. Отметим, что именно последний из перечисленных внес существенный вклад в то, что память о Собиборе не была забыта. В.Р. Томин (Тальман) был участником Великой Отечественной войны, в дальнейшем написал ряд книг об антифашистском движении и советской разведке. С начала 1960-х гг. был близким другом А.А. Печерского и сыграл важную роль в популяризации истории Собибора. Участвовал во многих встречах бывших узников в СССР. В 2006–2008 гг. поделился своими воспоминаниями и передал часть личного архива в НПЦ «Холокост».

Завершает сборник также впервые публикуемые на русском языке воспоминания из книги М. Нович «Собибор. Мученичество и восстание» (1979 г.), в которой собраны свидетельства уцелевших узников. Мы приводим свидетельства (включая А.А. Печерского), показавшиеся нам наиболее важными в описании судеб евреев до Собибора, во время восстания и после него.

Тексты публикуются с сохранением авторской стилистики за рядом оговоренных исключений. Орфография и пунктуация приведены к нормам современного русского языка. Зачеркнутые, пропущенные, исправленные фразы, слова и авторские пометки отмечены составителями в подстрочных примечаниях. Исключенные, как правило, малоинформативные и повторяющиеся, фрагменты текста и неразборчивые слова обозначены знаком <...>. При воспроизведении иноязычных собственных имен и некоторых географических объектов возможны расхождения, связанные со многими вариантами их произношения, написания и перевода в разных источниках. Сборник проиллюстрирован фотоdocumentами из Архива НПЦ «Холокост», Фонда Александра Печерского, Музея истории еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной Синагоге на Поклонной горе (Москва) и личных коллекций.

Составители выражают признательность за помощь детям и внукам участников восстания в Собиборе: А.Г. Вайцену, М.А. Евстратову и М.С. Розенфельду.

Особой благодарности за ценные консультации, поиск документов и техническую помощь заслуживают Вадим Гасанов, писатель Л. С. Симкин, руководители Фонда А. Печерского И.Ю. Васильев и М.Ю. Эдельштейн, Г.Б. Горбовицкий, А.Г. Мордвинцев, фотографы Г. Рейхман (Ашдод) и В.В. Бродский, Д.М. Плоткин, Рита Марголина («Яд Вашем», Иерусалим), сопредседатель НПЦ «Холокост» И.А. Альтман, С. А. Богданова, а так же сотрудник Архивного отдела НПЦ «Холокост» Роман Жигун, Александр Гвелесиани, Светлана Трифонова, Елизавета Чамкина, Дмитрий Алексеев, З. Елькина, А. Мелентьева, Т. Радайкина, А. Куроптева и С. Кислов.

Пахалюк К.А., Терушкин Л.А.

Пахалюк К.А., Терушкин Л.А

Холокост. Краткая история

История нацистской Германии неразрывным образом связана с политикой преследования или уничтожения миллионов человек по всей Европе из-за их политических или религиозных взглядов, этнической принадлежности. Так, по утверждению историка М. Манна, общее количество жертв нацистской Германии составила примерно 20 млн человек, из них около 6 млн человек были евреями, истребленными только за свою этническую принадлежность. Такая цифра была озвучена на Нюрнбергском процессе, в дальнейшем она нашла подтверждение в специальных исследованиях, правда, окончательное число варьируется от 5,1 млн (Р. Зильберг) до 6,2 млн (В. Бенц)³. Именно уничтожение евреев в годы Второй мировой войны приняло тотальный характер. Это обстоятельство сегодня вызывает определенные сложности: как помнить о геноциде евреев, не забывая других жертв и не принижая их страданий? Как объединяя память о различных жертвах нацистской политики не опустить об уникальность положения именно евреев?

Эта сложность во многом обусловлена организационной непоследовательностью нацистской истребительской политики, и обнаруживает себя уже на уровне понятий. Существует несколько определений Холокоста, ведь это понятие изначально было введено в оборот не для того, чтобы четко зафиксировать реальность, а увековечить память о погибших. Как пишет российский исследователь М. Гилева: «Термин являл собой целую совокупность образов и репрезентаций, связанных с нацистской политикой методичного, «конвейерного» уничтожения людей по этническому принципу. Он был призван запечатлеть сочетание несочетаемого: научно-технического прогресса и пещерной жестокости⁴. В узком и наиболее распространенном смысле под ним понимается политика нацистской Германии, её союзников и пособников по преследованию и массовому уничтожению евреев в 1933–1945 гг. Однако здесь мы сталкиваемся с ретроспективным взглядом: ведь до 1941 г. притеснение евреев не перешло еще в фазу тотального уничтожения. Более широкая трактовка Холокоста предполагает включение и иных социальных групп. Например, такая точка зрения отражена в резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 1 ноября 2005 г. № A/RES/60/7, в соответствии с которой 27 января стало Международным днем памяти жертв Холокоста. Впрочем, например, для обозначения геноцида цыган существуют специальные термины. Наиболее распространенный среди них – «Порраймос». В документах нацистов встречаются такие понятия, как «всеобщее» и «окончательное» решения еврейского вопроса. Первый отсылает к изгнанию из Германии, второй – к полному уничтожению.

В 1943 г. Рафаэль Лемкин ввёл понятие «геноцид», выработка которого во многом опиралась на политику нацистов в отношении евреев в годы Второй мировой войны. Именно оно в 1948 г. было положено в основу Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей в 1948 г. В ней под геноцидом понимается полное или частичное намеренное уничтожение групп людей по расовому, национальному, этническому и религиозному принципу. Отметим ряд сложностей. Так, чтобы массовое насилие попало под эту категорию необходимо доказать намеренность уничтожения (на это, например, пусть и безосновательно, упирают турки, отрицая геноцид армян). При этом под

³ Альтман М.М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. М., 2001. С. 30–31.

⁴ Гилева М.В. «Будущее памяти уже началось»: становление термина «Холокост» как процесс мемориализации // Холокост: 70 лет спустя / Под ред. И.А. Альтмана, И. Котлева, Ю. Царуски. М., 2015. С. 94.

определение не попадает уничтожение по социальному принципу. Впрочем, с точки зрения современной теоретической социологии, и этническая, и расовая, и национальная (не говоря уже о религиозной) принадлежности конструируются социально, а потому могут быть при желании отброшены или приняты индивидом. Соответственно, неочевидно, почему геноцидом признается уничтожение людей только на основе этих, а не каких-то других критериев, почему массовая гибель только одних социальных групп должна выделяться.

В израильской историографии трагедия еврейского народа обозначена термином Шоа (Катастрофа). Отметим, что это понятие с 1980-х гг. особую популярность получило во Франции. Объясняется это выходом одноименного фильма К. Ланцмана. Использование «Шоа» нередко отражает стремление подчеркнуть еврейский характер жертв геноцида. В послевоенные годы в течении нескольких десятилетий⁵ использовался аналогичный термин на идише – «Хурбн». Однако наиболее популярным термином во всем мире, включая и Россию, является «Холокост». Это американизм, созданный от древнегреческого «Голокаустис», т. е. «всесожжение». В его основе лежит метафора уничтожения огнем, что отсылает к практике сожжения евреев в крематориях. Здесь мы видим западноцентричный взгляд на эту проблематику (советские евреи, как правило, уничтожались в ходе расстрелов). Несомненно, при более детальном рассмотрении генеалогии понятия мы сталкиваемся с архаичным символом огня. Отсюда возникают и религиозные коннотации: «жертвоприношение» 6 млн евреев привело к формированию еврейского государства Израиль. Хотя это очень спорный, дискуссионный вопрос. А обозначенные религиозные ассоциации заставляют многих дистанцироваться от понятия Холокоста и использовать более нейтральный Шоа: ведь как можно видеть какой-то высший смысл в бессмысленном убийстве миллионов?

Сегодня существует тенденция превращения Холокоста в метафору, которую пытаются использовать в отношении различных типов массового насилия (причем, необязательно геноцидов). Более того, в истории еврейского народа немало трагических событий, которые нередко пытаются сопоставить с ним. Все это ведет не просто к размыванию понятия, но и к тривиализации самой трагедии, потере ею уникальности. Вопрос не в том, что евреи страдали «больше всех»: в конечном счете «конкуренция жертв» с моральной точки зрения вряд ли может быть одобрена. Да и как понять, кто «больше страдал»: армянка, изнасилованная перед расстрелом? Еврейка, вместе со своим ребенком отравленная газом «Циклон Б»? Или русская, умершая от истощения в зимнем блокадном Ленинграде? На индивидуальном уровне подобные сравнения бессмысленны и достойны только осуждения. Мы призываем подчеркивать особенности различных типов насилий, и, даже объединяя некоторых из них вместе под понятием «геноцида», видеть отличия. Так, например, геноцид армян, начавшийся в 1915 г., был менее последователен (что не делает его «менее ужасным»), причем, малолетние дети физически могли спастись: власти нередко передавали их в турецкие семьи, где они бы социализировались и могли превратиться в «настоящих турок». У евреев такой возможности не было. Уничтожение армян было вдохновлено младотурецким этнонационализмом, который – в своих представлениях – пытался спасти распадающуюся Османскую империю. В то время как нацисты исходили из совершенно иной «картины мира», в рамках которой у евреев не оставалось ни единого шанса на выживание. Впрочем, между трагедией армян и евреев есть немало параллелей и взаимосвязей. В частности, Гитлера вдохновляло то, что спустя 25 лет после армянского геноцида мир постарался забыть его⁵.

Что сделало возможным нацистскую политику геноцида, и Холокост, в частности? Этот вопрос является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Поиск ответа на него осложняется расхожим мнением, возлагающим вину лишь на верхушку нацистского руководства (А. Гитлер, Г. Гиммлер, Г. Геббельс, Р. Гейдрих, Ю. Штрейхер и ряд других) и их фанатичный

⁵ Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009. С. 1036.

антисемитизм. Этой версии после войны придерживались многие немцы, тем самым стремясь оправдать собственное соучастие в преступлениях. Естественно, если бы не Гитлер, который сосредоточил в своих руках абсолютную власть в Германии, не его ненависть к евреям и не упорство, с которым он стремился решать «еврейский вопрос», то вряд ли бы случилась эта трагедия.

Однако маховик геноцида раскручивался вовсе не одномоментно, отсутствие четких приказов заставляло исполнителей «на местах» действовать самостоятельно и брать инициативу в свои руки. Например, обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн в конце ноября 1941 г. отдал приказ о расстреле прибывшего в оккупированную Ригу поезда с немецкими евреями, за что получил нарекания от Гиммлера, ввиду отсутствия соответствующего распоряжения⁶. А как быть с теми, кто непосредственно расстреливал, участвовал в карательных акциях, служил в концлагерях и лагерях смерти? А с теми, кто на оккупированных территориях выдавал евреев, причем добровольно? И как же те, кто участвовал непосредственно в массовых убийствах и после войны избежал наказания, смог вернуться к размеренной жизни простого обывателя? Лет через 10, 20 или даже 50 многие удивлялись, когда обнаруживалось, что добродушный старичок, хороший семьянин и трудолюбивый работник на самом деле напрямую причастен к одному из самых ужасных преступлений в мировой истории. Эти вопросы не имеют однозначных ответов. Однако их поиск важен для понимания специфики нацизма и политики геноцида.

Обычно ответ начинают с идеологии. И в этом есть рациональное зерно. Действительно, впервые такая задача последовательного преследования и биологического истребления евреев была не просто риторикой отдельного политика или партии, а частью осознанной, проработанной государственной политики. Именно эта цель нацистского государства являлась беспрецедентной. Холокост не был следствием религиозного фанатизма или классовой ненависти. Идеология спланировала все структуры государства, многие слои немецкого общества были вовлечены в решение этой задачи, ставшей поистине государственной. Методы и степень преследования в зависимости от территории и времени могли отличаться, однако единой была итоговая цель.

Исходной точкой этой идеологии называют органический национализм, зародившийся еще в Германии XIX в. и подразумевавший определение нации как единства «языка и крови». В Германской империи («Втором рейхе») этот национализм имел имперский характер, поскольку обосновывал политику завоеваний и расширения. Однако к началу XX в. не все немцы жили в Германской империи, они составляли одну из центральных групп в империи Австро-Венгерской, в которой помимо собственно немцев (австрийцев) жили венгры и различные славянские народы. Потому государственный национализм здесь носил надэтнический характер. В условиях полиэтничности правящая династия Габсбургов сочетала в своей политике ассимиляцию (продвижение немецкой культуры) и квазимультикультурализм (власть приходилось делить с представителями разных этнических групп). В условиях роста антиимперских настроений и становления массового общества демократическая борьба этнических групп, как указывал историк М. Манн, взяла себе на вооружение идеи органического национализма. Различные национализмы, включая венгерский, чешский, сербский, ставили под угрозу существование единого имперского пространства, а их активность привела и к радикализации австрийских немцев. Не будем забывать, что в своей имперской политике Габсбурги опирались в том числе и на такие космополитичные группы, как евреи, на которых также перекинулось недовольство местных националистов⁷. В этом плане нет ничего удивительного, что А. Гитлер, как австрийский немец, был одним из тех, кто воспринял этот радикализм. В мемуарах он подробно описывал, какое неприятие в подростковом возрасте (а это рубеж XIX–XX вв.) у

⁶ Симкин Л. Его повесили на площади Победы. М., 2018. С. 180–181.

⁷ См. Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 331–333.

него вызывал имперский патриотизм. Во многом благодаря школьному учителю истории он выпитал идеи органического национализма.

Что мы понимаем под понятием «органический национализм»? Почему именно его мы избрали для фиксации данных общественных настроений? Речь идет о воззрениях, будто группа людей, связанная единой культурой, в действительности представляет собой некое биологическое, естественное единство, что национальность – это вопрос крови и наследственности. Несомненно, эта социальная мифология немало заимствовала из теории социал-дарвинизма и искала (и к сожалению, находила) поддержку у многих представителей естественных наук, склонных рассматривать человечество как популяцию, а наблюдаемые различия (будь то цвет кожи или уровень экономического развития) объяснять через обращение к биологии, к чему-то естественному и неизменному. Родом отсюда и до сих пор популярные в широких массах рассуждения о «национальных характерах». В основе лежит метафорическое уподобление некоей социальной общности человеку. Подобная «картина мира» делает логичным и оправдание жесткого политического лидерства, и призыв к единению, и очищение от «инородных тел». Базовая проблема, которую стремится решить органический национализм, заключается в поиске того «коллективного Мы», которые выглядело бы не проблемным, не подлежащим сомнению. Отсылки к истории, биологии и географии как раз и призваны разработать ту идейную систему, в рамках которой принадлежность к нации видится чем-то естественным и абсолютным.

Несомненно, органический национализм, если его довести до логического конца, приводит к расизму, который предполагает составление иерархий «высших» и «низших» рас. Философ Х. Арендт, еще на исходе Второй мировой войны, глубокомысленно заметила, что гитлеровский нацизм произрастает не из классического европейского национализма, а из империализма, т. е. из эпохи колониальных империй и привычки разделять «белую» («высшую») расу и местных аборигенов. Теперь же эта логика, благодаря Гитлеру, оказалась применима относительно самой Европы. В какой-то степени Х. Арендт была права, называя Гитлера антинационалистом: вершиной лояльности для него было не государство, не германская нация (ведь если говорить о ней как о культурном единстве, то ассимилированные евреи никак не могут из нее исключаться), а арийская раса, наверху которой и были немцы⁸. В самом низу находились евреи. На ступеньке выше последних стояли славяне.

В «Майн кампф» («Моя борьба»), опубликованной в 1925–1926 гг., Гитлер писал, что евреи недостойны гражданских прав и не только принадлежат к «низшей расе», но и вообще не являются людьми. Гитлер считал себя мессией, призванным спасти мир от «еврейского засилья». Он постоянно повторял, что «еврейская зараза» приведет Германию к гибели. В рамках той «картины мира», которую разделял Гитлер, одним из главных признаков «низости евреев» стало отсутствие своего государства. Они не укоренены на определенной территории, а потому как «паразиты» живут в телах других наций. Заметим, что во время реализации политики Холокоста другой этнической группой, подвергшейся преследованиям и уничтожению, стали цыгане. Стоит ли говорить, что к оседлым цыганам нацисты относились более терпимо (конечно же, «пока еще более терпимо»), нежели к кочевым.

Однако для того, чтобы эти идеи, сколько бы ими ни была пропитана нацистская верхушка, «заработали» на практике, нужно, чтобы они овладели массами. Один путь – поиск «научной респектабельности», поддержка ученых, которые превратят набор предубеждений и стереотипов в респектабельную научную истину. Эту поддержку нацисты получили у ряда медиков, биологов и физических антропологов, щедро спонсируя их изыскания. Недаром в мировой истории закрепились фигура доктора Й. Менгеле, одного из главных врачей в лагере смерти Аушвиц: именно он на перроне встречал прибывших евреев и отбирал тех, кого стоило

⁸ См. Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 261–276, 476–492.

отправить в газовые камеры сразу, а кому временно сохранить жизнь и определить на работу. Кто, если не доктор, ученый, имеет, с точки зрения нацистов, высшее право на селекцию? На утверждение того, кого следует убить, а кого оставить в живых?

Другой способ – массовая пропаганда. Ее задача состояла в том, чтобы дегуманизировать еврея, сформировать образ вечного врага, достойного только уничтожения. Ключевая метафора – «евреи – вши на теле нации»; соответственно убийство невинных детей, женщин и мужчин представлялось «очистительной мерой». Для понимания того, как работала пропаганда, мы хотим отослать к наследию философа Э. Левинаса. Этнический еврей, он служил во французской армии, после поражения 1940 г. попал в плен и провел в нем всю войну. Лагерный опыт и общение с немцами, жившими неподалеку, стал предметом философской рефлексии: «Другие, так называемые свободные люди, встречавшиеся с нами, дававшие нам работу <...> все они сдирали с нас человеческую кожу. Мы были лишь псевдолюдьми, стаей обезьян <...>. Наши приход и уход, наши горе и смех, болезни и развлечения, труд наших рук и тоска наших глаз; письма, которые нам передавали из Франции и забирали для наших семей, – все это происходило как бы в скобках. Существа, запертые в своем биологическом виде; несмотря на весь свой словарный запас, безъязыкие. Расизм – не биологическое понятие; антисемитизм – это архетип всякого интернирования. Даже социальное угнетение лишь подражает этому образцу. Оно заточает внутри своего класса, лишает средств самовыражения, приговаривает быть «означающими без означаемых», а значит, осуждает на битвы и насилия»⁹.

Именно с этим связаны рассуждения Э. Левинаса о «насилии понятий», которые призваны стирать в людях субъективность, их самость, отличность и индивидуальность. Враг на фронте – это просто неприятель, набор категорий, которые в самом пошлом виде предстают в виде тиражируемого образа врага. Такого врага легче убивать. Вы смотрите на человека, а видите не индивидуальность, а навязанную категорию (например, «еврея»), к которой пропаганда пристегнула множество взращенных значений (они же – стереотипы). Тем самым пропаганда выстраивала дистанцию, отчуждала исполнителей от своих будущих жертв на идейном, ментальном уровне.

Говоря о нацистской политике геноцида, мы должны понимать, что речь идет о более широком процессе, нежели Холокост. Порядка 250 тыс. немцев были уничтожены в рамках программы Т-4 (ликвидация психически больных, с врожденными уродствами и других людей с «плохой наследственностью»). Около 210–250 тыс. цыган убиты в 1941–1945 гг. Сюда же можно включить миллионы советских граждан, погибших в оккупации, а также около 3,3 млн. советских военнопленных, доведенных до истощения и смерти. К ним также относились как к недочеловекам, о чем свидетельствуют следующие цифры: смертность военнопленных из Британии и США не превышала 3 %¹⁰. До того, как раскрутился маховик Холокоста в 1941–1942 гг., основными жертвами нацистской политики были поляки: речь идет о стремлении уничтожить их элиту (включая культурные слои, интеллигенцию). Нацисты считали, что без нее никакого сопротивления не будет. Эта же политика проводилась и на оккупированной территории СССР. Итальянский писатель К. Малапарте в 1941 г. в качестве журналиста сопровождал немецкие войска, атакующие СССР. В одной из украинских деревень сосредоточили 118 советских военнопленных. Немцы заставили их читать вслух газету «Правда», заявив, что те, кто проявит больше способностей, получают административную работу. 31 человек справился с заданием лучше остальных и все они были сразу же расстреляны. Немецкий сержант пояснил: «Россию надо очистить от этой ученой сволочи. Крестьяне и рабочие, которые умеют читать, слишком опасны. Они все коммунисты»¹¹.

⁹ Цит. по: Ямпольская А.В. Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 97.

¹⁰ Мани М. Указ. соч. С. 337–339.

¹¹ Мани М. Указ. соч. С. 340.

Несомненно, уничтожение евреев было более последовательным и приняло наиболее широкий характер. Однако вряд ли сегодня стоит принципиально отделять одни группы от других, а уже тем более их противопоставлять, поскольку в основе лежит общая социально-политическая «философия», проповедующая уничтожение определенных групп людей. Есть и более конкретные взаимосвязи. Например, многие исполнители операции Т-4 в дальнейшем стали активными участниками уничтожения евреев. Войну против СССР Гитлер вел под пропагандистской идеологией борьбы против «иудо-большевизма», ставя знак равенства между евреями и советскими коммунистами. Известный газ «Циклон Б» был осенью 1941 г. впервые опробован сначала на группе советских военнопленных, после этого он стал массово применяться для уничтожения евреев. При желании этот список можно продолжать.

При рассмотрении истории Холокоста очень часто задаются вопросом: «кем были те, кто проводил политику геноцида»? Историк М. Манн, обобщая работы предшественников, выделил три момента: «все исполнители жили обычной человеческой жизнью, совершая при этом необычные, страшные дела», 72 % судимых за военные преступления имели семьи и детей; все они были очень заурядными людьми¹². Статистика не позволяет утверждать, что ядро исполнителей состояло из людей, которые пережили в детстве серьезные психологические травмы (жестокость родителей, потеря кормильца и пр.), лишь в отдельных случаях это может быть объяснением. Интересно и то, что наибольшей поддержкой нацизм пользовался либо у немцев с потерянными по итогам Первой мировой войны территориями, либо в приграничных районах, т. е. там, где немцы сами испытывали притеснения или могли бояться внешней угрозы. В частности, это утверждение о приграничных районах подтверждают результаты голосования в рейхстаг в июле 1932 г. Отсюда М. Манн делает вывод: «причины истребительной политики рейха лежат в озлобленном этническо-имперском реваншизме, а настроения антисемитизма лишь усугубили ее жестокость»¹³. Любопытно, что статистика также не позволяет говорить о том, что большая часть будущих военных преступников вышла из земель с преобладанием еврейского населения. Это полностью отвергает доводы отрицателей Холокоста, дескать антисемитизм немцы восприняли в тяжелые годы экономической разрухи, когда они сами бедствовали, а евреи якобы на этом фоне жили припеваючи.

Маховик репрессий раскручивался постепенно. От простого бытового антисемитизма до расстрельных ям следовало пройти большой путь. Можно выделить четыре ключевых слагающих: 1) тотальный террор и уничтожение политической оппозиции; 2) успехи плановой экономики, отмена де-факто унизительного Версальского договора и присоединение бывших немецких территорий; 3) опора на парамилитарные организации (СА и СС) и формирование той запутанной бюрократической системы, где каждый ее член свой успех видел в том, как он может предугадать желания фюрера; 4) с началом Второй мировой войны патриотизм стал той идейной рамкой, которая санкционировала для многих простых немцев участие в массовых преступлениях, поскольку евреи назывались врагами, развязавшими эту войну. Гитлер пришел к власти на фоне тяжелейшего экономического кризиса, поразившего Германию. Расистская идеология позволила классовые, экономические противоречия вытеснить и переписать согласно своей логике (во всем виноваты «эксплуататоры-евреи» и «мировая еврейская закулиса»).

Об этом свидетельствуют и статистические исследования М. Манна: «нацисты действительно пользовались поддержкой групп, далеких от главных классовых битв между трудом и капиталом, среди которых главенствовала идея социального примирения во имя единства и могущества нации»¹⁴. На основе биографических сведений о 1581 военном преступнике, М.

¹² Там же. С. 385.

¹³ Манн М. Указ. соч. С. 407.

¹⁴ Там же. С. 415.

Манн установил: не рабочие и крестьяне были основной социальной базой, из которой рекрутировались будущие убийцы. В числе нацистских преступников доминируют государственные служащие, военные и полицейские, работники государственного сектора, дипломированные специалисты¹⁵. Конечно, практически все ключевые посты принадлежали убежденным нацистам, вступившим в партию до 1933 г. В военизированных структурах, ставшими проводниками репрессий, многие имели криминальное прошлое. Важно то, что речь идет о весьма пестрой картине, а потому видеть в убийцах лишь безжалостных фанатиков (но и они были!), безграмотных преступников (немало имелось и таковых) – значит сильно упрощать историю.

Изначально, сразу после прихода нацистов к власти в январе 1933 г. целью репрессивной политики стали представители оппозиции и коммунисты. Как известно, ночью 27 февраля 1933 г. нацисты инспирировали поджог Рейхстага (здания парламента), в чем обвинили коммунистов. Это позволило добиться принятия указа рейхспрезидента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства». В соответствии с ним отменялись многочисленные гражданские права, а власти получали право превентивных арестов. По всей Германии прокатилась волна арестов силами полиции, а также таких парамилитарных формирований (формально никак не связанных с государством), как СС и СА, которые действовали фактически на правах народных дружин. Степень взаимодействия зависела от позиции начальства на местах. Наиболее активным оказался рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, назначенный главой полиции Баварии. Повсеместно организовывались импровизированные места сосредоточения арестованных, первые концлагеря. В дальнейшем их осталось несколько, и на их фоне выделялся Дахау, основанный в марте 1933 г. недалеко от Мюнхена под особым патронатом Гиммлера.

До 200 000 человек только в 1933 г. были арестованы по политическим мотивам¹⁶. Правда, лишь единицы из них тогда погибли, доведенные до смерти охранниками. Непосредственно убивать эсэсовцы тогда опасались, поскольку еще могли попасть под суд. Например, убийство нескольких евреев в апреле 1933 г. в Дахау привело к судебному разбирательству. Гиммлеру пришлось даже уволить коменданта Векерле, заменив его на Т. Эйке, который впоследствии превратил этот лагерь в «образцово-показательный». Так именно Дахау стал моделью и «кузницей кадров» для последующих лагерей.

В 1933 г. смысл концентрационных лагерей и превентивных арестов заключался в массовом устрашении оппозиции и любых несогласных. Причем в некоторых случаях известных заключенных могли освободить под давлением общественности, а похороны погибших иногда превращались в стихийные антинацистские митинги. Под конец года большая часть заключенных была отпущена, широкая амнистия была осуществлена и в августе 1934 г. ввиду референдума, на котором Гитлер получил народное согласие на объединение постов рейхспрезидента и канцлера. Население лагерей на тот момент исчислялась сотнями. Далеко не все в руководстве страны относились к ним положительно, в частности рейхсминистр внутренних дел Фрик выступал за освобождение заключенных. Однако Г. Гиммлеру удалось доказать политическую эффективность именно этого метода управления. Конечную точку в споре поставил Гитлер уже в феврале 1935 г. В 1936 г. появился Заксенхаузен, в 1937 г. – Бухенвальд, в 1938 г. Флоссенбург и Маутхаузен, в 1939 г. – Равенсбрюк.

Если изначально концлагеря использовались преимущественно для давления на политическую оппозицию, то в дальнейшем их функции расширились. В частности, туда стали бросать преступников и различные «асоциальные» элементы (бездомных, попрошайек, проституток и пр.). Так, например, Закон о рецидивистах от 24 ноября 1933 г. позволял заключать в лагерь на неопределенный срок. К 1939 г. было вынесено порядка 10 тыс. приговоров, причем

¹⁵ Там же. С. 424.

¹⁶ Вахсман Н. История нацистских концлагерей. М., 2018. С. 34.

в основном за мелкие имущественные правонарушения¹⁷. Впрочем, в дальнейшем не нужны были и судебные решения: в марте 1937 г. главное управление криминальной полиции распорядилось арестовать всех подозреваемых в том, что они представляют опасность для общества. В июне 1938 г. была проведена общенациональная акция, в ходе которой около 10 тыс. асоциальных элементов оказались брошены в концлагеря¹⁸.

Тем самым были не просто извращены и нарушены принципы законности и презумпция невиновности. Важно то, что сами эти меры особо не скрывались от общества и находили поддержку. Нацисты ставили себе в заслугу обеспечение низкого уровня преступности и избавление от тех, кого можно назвать туеядцами, не работающими на благо рейха. Концлагеря в предвоенное время мыслились своеобразными фабриками по трудовому перевоспитанию (недаром Маутхаузен был построен возле каменоломен). Те, кто представлял опасность, теперь должны трудиться на общее благо. Тем самым в построении «идеальной Германии» и нацисты, и те, кто их поддерживали, перешли важную черту. Был создан разветвленный механизм по изоляции и очищению общества от тех, кого отдельные чиновники, полицейские или эсэсовцы признали нежелательными и опасными. Размытость критериев фактически привела к тому, что каждый мог оказаться в застенках Бухенвальда. Следующий логический шаг – уничтожение. И впервые он был сделан именно по отношению к самим (этническим) немцам, а именно: в рамках программы эвтаназии в 1939–1941 гг. порядка 250 тыс. душевнобольных с врожденными физическими отклонениями оказались умерщвлены.

Мы специально останавливаемся на всем этом, чтобы подчеркнуть, что Холокост был общей частью нацистской стратегии по конструированию идеального немецкого государства. Всего в мире после Первой мировой проживало 14 млн евреев. Из них 3,5 млн – в США. Порядка 3 млн проживало в Польше (их численность с 2,9 млн в 1930 г. за следующие 9 лет увеличилась на 200 тыс. человек), в СССР – около 2,5 млн, в Румынии – 750 тыс., в Германии и Венгрии – по 500 тыс. Тем самым меньше 1 % населения будущего Третьего рейха составляли евреи. Отметим, что Германия и не являлась до 1933 г. самой антисемитской страной. Бытовой антисемитизм был более развит во Франции, а в Польше евреи испытывали серьезную социальную и экономическую дискриминацию. В 1930-е гг. по мере укрепления власти нацистов в Германии в соседних странах также активизировался антисемитизм. Уже с 1935 г. в Польше массово стали нападать на евреев, в 1937 г. Румыния ввела антисемитские законы¹⁹.

В 1933–1938 гг. нацисты проводили политику юридического и социального вытеснения евреев за пределы немецкого общества. Организуемое давление должно было заставить евреев эмигрировать, оставив в Германии все свое имущество. Давление нарастало постепенно. Так, 1 апреля 1933 г. был устроен однодневный бойкот всей еврейской торговли. В сентябре 1935 г. приняты Нюрнбергские законы. В них давалось определение того, кто считается евреем. Все попавшие под него более не считались гражданами рейха, им запрещалось вступать в брак с немцами, они не имели права на политическое представительство, а евреев-чиновников увольняли с государственной службы. В 1936 г. ввиду Летних Олимпийских игр в Берлине антисемитизм временно был ослаблен, но лишь для того, чтобы вспыхнуть потом. В апреле 1938 г. ввели обязательную регистрацию еврейского имущества, в июне 1938 г. наложили запрет на ряд профессий (включая адвокатуру и врачебное дело).

Переломными стали события «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 г. – серия погромов синагог, еврейских магазинов и прочего имущества, прокатившаяся по всей стране. Ее жертвами стали менее 100 человек, однако еврейской собственности был нанесен серьезный

¹⁷ Вахсман Н. Указ. соч. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 147.

¹⁹ Кохави Е. Еврейский мир в середине XX века накануне Холокоста в Европе // Холокост. Сопротивление. Возрождение. М., Иерусалим, 2000. С. 21–23.

урон. Более того, около 30 тыс. человек оказались на время брошены в концентрационные лагеря, чья инфраструктура не была подготовлена к такому наплыву. Около 500 погибли в них. Впрочем, основная идея заключалась в том, чтобы заставить евреев откупиться, лишить их имущества и принудить эмигрировать. А 12 ноября вышло распоряжение, согласно которому евреи Германии должны были выплатить около 1 млрд рейхсмарок в компенсацию за ущерб, нанесенный толпой погромщиков. Абсолютное большинство евреев выпущены к началу 1939 г., к 1 сентября всего в концлагерях содержалось не более 1500 представителей этой этнической группы²⁰. Что касается эмиграции, то ключевая проблема заключалась в том, что другие страны, восстанавливавшие свои экономики после мирового кризиса, не горели желанием принимать сотни тысяч евреев. Летом 1938 г. представители 32 стран собрались в Эвиане на конференцию, где обсуждали судьбы беженцев из Германии. Фактически она закончилась безрезультатно, если не считать создание Межправительственного комитета по делам беженцев. В Берлин также была направлена телеграмма, в которой участники конференции отмечали, что никто из них не оспаривает «право германского правительства на законодательные меры в отношении некоторых своих граждан»²¹.

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., т. е. с началом Второй мировой войны, наступил новый этап в трагической истории европейского еврейства. Этому предшествовали зловещие высказывания Гитлера: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся укрыться, как удалось 9 ноября 1918 года». Еще в 1938 г. в СД (служба безопасности в составе СС) были созданы особые части, предназначенные для борьбы с «идеологически враждебными факторами». Эти части назывались айнзатцгруппами. Именно им предстояло принять активное участие в уничтожении евреев. Они включились в «работу» после вторжения Германии в Польшу, руководствуясь секретной инструкцией. Она была выработана на совещании в Берлине 21 сентября 1939 г., имевшем повестку: «Еврейский вопрос на оккупированных территориях (Польша)». Инструкция предписывала выселить евреев из местечек и городков и сосредоточить их в гетто больших городов вблизи от крупных железнодорожных станций. Эти действия рассматривались как этап к достижению «конечной цели».

27 сентября 1939 г. был создан новый орган – Главное управление имперской безопасности (РСХА) во главе с Гейдрихом. В этом учреждении был создан отдел, ведавший «еврейским вопросом». Его возглавил Адольф Эйхман. В состав РСХА вошла и служба безопасности, СД.

Мы не знаем точно, когда именно был принят Гитлером план об «окончательном решении». Еще в 1939–1941 гг. нацисты метались между планами уничтожения и массового переселения. Именно тогда рождались идеи сосредоточить всех евреев то в районе Ниско (оккупированная Польша), то на Мадагаскаре. После нападения на СССР Гиммлер подготовил план переселения на восток порядка 31 млн человек (т. к. здесь считали еще и славян). Однако уже при подготовке операции «Барбаросса» (т. е. нападения на Советский Союз) Гитлер требовал уничтожения «еврейско-большевистской интеллигенции», а 19 августа 1941 г. Г. Геббельс отметил в дневнике: «На Востоке евреи расплачиваются; в Германии они уже частично заплатили и еще больше заплатят в будущем»²². Подобная непоследовательность характерно говорит о той хаотичности, которая была присуща нацистскому руководству. Однако известно, что при подготовке нападения на Советский Союз уже планировалось уничтожить всех советских евреев. А 31 июля 1941 г. Г. Геринг направил Р. Гейдриху приказ: «Я возлагаю на вас ответственность за совершение всех необходимых приготовлений для общего решения еврейского вопроса в сфере немецкого влияния в Европе...». Однако эти приготовления затянулись.

²⁰ Вахсман Н. Указ. соч. С. 185.

²¹ Иванов Д.В., Крылов А.В., Морозов В.М., Печатинов В.О., Скляров С.А., Шебалина Е.О. «Совесть мира» или «заговор молчания»? К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций // Вестник МГИМО. 2018. № 4. С. 129.

²² Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002. С. 33.

В западноевропейском каноне истории Холокоста отправной точкой считается совещание («конференция») нацистских руководителей в Ванзее 20 января 1942 г. Именно на ней были определены общие параметры уничтожения порядка 12 млн евреев. Одна из копий протокола сохранилась и стала весомым доказательством преступной политики на Нюрнбергском процессе. Причины, по которым выделяется Ванзейская конференция, вполне понятны, однако при этом опускается тот факт, что политика уничтожения уже активно проводилась на территории Советского Союза. Потому не будет преувеличением сказать, что массовое уничтожение еврейского населения началось 22 июня 1941 г. с нападением нацистов на СССР. Идеологически этот акт агрессии, как мы отмечали выше, прикрывался тезисом о «священной войне» против иудо-большевистского режима. Знак равенства между евреями и коммунистами привел к тому, что оккупационный режим здесь, на востоке, принял особые жесткие формы. Эта же идеология активно продвигалась в массах на оккупированных территориях с тем, чтобы представить Гитлера как освободителя. К сожалению, эти воззрения находили поддержку у многих местных националистов²³.

В частности, основными проводниками политики геноцида стали специально сформированные айнзатцгруппы, которые двигались за войсками вермахта. К концу 1941 г. айнзатцгруппы уничтожили порядка 1 млн человек, из них около 700 тыс. были евреи²⁴. Непосредственно координацию осуществляли верховные руководители СС и полиции (их еще называли «маленькими гиммлерами»): на севере России им стал Г. Прютцман, в центральной части – Э. фон дем Бах, а на юге – Ф. Еккельн. Основная их задача (согласно приказу Г. Гейдриха от 2 июля 1941 г.) заключалась в борьбе против саботажников и партизан, в особую группу жертв выделялись политработники высшего и среднего звена, комиссары, а также евреи в партийных и государственных органах. Тем самым с первых дней войны политика геноцида была развязана не только по отношению к евреям. Однако на практике карательные части весьма «творчески» подходили к исполнению приказов, массово уничтожая еврейское население, которое автоматически записывалось в саботажники и опору советской власти.

Особой активностью отличился обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн. В приказах он называл истребление мирного населения «акцией по военному обычаю». Первой стала акция 5 июля 1941 г. во Владимире-Волынском, в ходе которой убили 150 евреев. 26–29 августа более 20 тыс. евреев Каменец-Подольска были отправлены на тот свет. Особенность именно этого события заключается в том, что если ранее убивали только мужчин, то теперь стали уничтожать массово и женщин, и детей. Предложенный метод уничтожения Ф. Еккельн назвал «укладкой сардин»: людей клали в расстрельные ямы лицом в низ, их убивали, следом заставляли ложиться других жертв и т. д. И, это не было проявлением своеволия «на местах», как свидетельствовал высокопоставленный функционер СС Штреккенбах: «С началом похода на Россию мероприятия против евреев вошли в новую стадию. Был отдан приказ о широкой ликвидации евреев. Мне не совсем ясно, от кого исходила эта инициатива. По заявлению Гейдриха, об этом высказался сам фюрер на одном из совещаний: что он намеревался решить основательно вопрос о евреях в Европе, а ликвидация евреев во время войны не произведет большой сенсации во всем мире»²⁵.

Лишь откровенные садисты из числа палачей могли проявлять психологическую устойчивость, расстреливая тысячами беззащитных детей, женщин и стариков. Это понимало и высшее нацистское руководство. Неудивительно, что по мере возможности грязную работу стремились перепоручать местным националистам, а в самих карательных отрядах процветало пьянство. Нередко палачи напивались непосредственно во время акций, появились и своеобразные праздники: круглые числа убитых отмечались массовыми попойками. Штандартенфю-

²³ Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 24–57.

²⁴ Симкин Л. Его повесили на площади Победы. М., 2018. С. 107.

²⁵ Симкин Л. Указ. соч. С. 120.

пер СС П. Блобель, командир зондеркоманды 4а (айнзатцгруппа С), которая занималась расстрелом невинных в Бабьем Яру, уже в 1942 г. ввиду пьянства, переросшего в постоянные запои, был отослан в тыл.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории СССР было казнено 2,8 млн советских евреев. В организации этих действий принимали участие военная и гражданская администрация, полицейские и охранные подразделения, вермахт, гестапо и другие службы и ведомства нацистской Германии. Оккупационная политика отличалась необычайной жестокостью, вытекавшей из постулатов «тотальной» войны. Именно на советской территории проводилось так же уничтожение детей от смешанных браков (евреев с неевреями), если они попадали в руки нацистов. Наиболее крупные места уничтожения евреев: Бабий Яр под Киевом, Бикерниекский и Румбульский леса около Риги, Змиевская балка под Ростовом-на-Дону, Понары под Вильнюсом, Малый Тростенец под Минском. Стоит отметить, что практически во всех перечисленных местах расстреливали и неевреев, т. е. тех, кто был обречен на смерть на основании других критериев (например, партизан, советских военнопленных). Отсутствие документов затрудняет точные подсчеты по категориям. На наш взгляд, эта сложность наоборот свидетельствует об общности трагедии: все они стали жертвами нацистской политики геноцида, в рамках которой выделялись разные группы, подлежащие дискриминации и последующему уничтожению.

Нацисты в полной мере применили опыт, накопленный как в самой Германии, так и в захваченных ранее государствах. Как пишет И.А. Альтман: «Евреи были объявлены «неарийцами» и лишены всех гражданских прав. Они подлежали особой регистрации. Всех евреев, включая детей старше 10 лет, обязывали носить на одежде опознавательные знаки (жёлтые шестиконечные звёзды на спине и груди, повязки со звездой или круглые жёлтые «латы»). Они были значительно ограничены в передвижении в масштабах даже одного населённого пункта. Евреев обычно переселяли в специальные районы или здания – гетто»²⁶. Всего их было создано более 800, значительно больше, чем в любой другой захваченной Германией стране. Примерно 400 находились на территории Украины; около 250 – в Белоруссии; более 40 – России. В число самых крупных гетто Европы входили Львовское (136 000 узников; больше евреев было сконцентрировано только в Варшаве), Минское (около 100 000) и Вильнюсское (57 000). Значительную часть узников содержали в рабочих лагерях (их было около 200).

С первых дней оккупации еврейское имущество конфисковалось. Если население отказывалось выполнять приказы немцев, то руководители еврейской общины и заложники подвергались публичной казни. Всё трудоспособное еврейское население (мужчины 14–60 лет и женщины 16–55 лет) мобилизовалось на трудовые работы, причем самые унижительные и тяжёлые. Вознаграждение было минимальным, а зачастую отсутствовало вовсе. Все это нельзя назвать никак иначе, нежели созданием условий для гибели людей. На этом нацисты не останавливались. Как пишет И.А. Альтман: «Евреям запрещалось ходить по тротуарам, присутствовать на культурных мероприятиях, пользоваться городскими поликлиниками, больницами и аптеками. Под угрозой смерти еврейкам запрещали рожать. <...> Зачастую узникам выдавался лишь хлеб (100–150 г в день). Зимой жители страдали от недостатка топлива, летом – питьевой воды. В гетто и лагерях не работали канализация, электричество, водопровод. Условия жизни узников порою не отличались от условий содержания советских военнопленных. Десятки тысяч евреев умерли от голода, болезней эпидемий и невыносимой физической работы»²⁷.

По мере того, как разворачивался Холокост на территории СССР, нацисты определились с политикой в отношении всего европейского еврейства. Экономические расчеты (использо-

²⁶ Холокост на территории СССР... С. 929.

²⁷ Там же. С. 929–930.

вание рабского труда) стали все больше уступать идеологическим установкам на полное уничтожение. Скорее всего, именно осенью 1941 г. Гитлер принял окончательное решение начать процедуру тотального уничтожения, а не оттягивать время переселениями. К тому времени уже был опыт работы айнзацкоманд на оккупированных территориях, упорное сопротивление Советского Союза срывало планы выселения евреев на восток, а постоянно растущее население гетто в Варшаве и Лодзи нарушало складывающийся порядок и затрудняло эффективное использование ресурсов. Так, первый лагерь смерти заработал в декабре 1941 г. в городе Хелмно, недалеко от крупного Лодзинского гетто. Именно оттуда на уничтожение отправляли «лишних евреев», которые в глазах нацистов мешали организовать эффективную работу «полезных евреев» на благо рейха.

Как отмечалось выше, переломным моментом стало совещание («конференция») в Ванзее 20 января 1942 г. Оно длилось примерно два часа и ставило целью «внести ясность и принципиальные вопросы» и избежать «параллелизма в проведении общей линии». Протокол вел оберштурмбаннфюрер СС А. Эйхман, руководитель «еврейского отдела» в составе РСХА. Главным докладчиком был его глава Р. Гейдрих²⁸. Вопрос об уничтожении евреев Европы решался на высшем государственном и партийном уровне, с ведома Гитлера и при непосредственном участии многих ведомств рейха. Лишь представитель генерал-губернаторства (туда вошли не только центральная и восточная часть Польши, но и значительная часть Западной Украины) проявил инициативу. Он просил начать «окончательное решение» именно здесь, выражая желание «удалить» евреев как можно скорее.

Для реализации политики уничтожения создавались совершенно новые «институты» – «лагеря смерти». Если в концентрационных лагерях предполагалось, что узники будут жить относительно долго и работать на благо рейха, то средняя продолжительность жизни в лагерях смерти составляла несколько часов. Они создавались исключительно для уничтожения евреев. Был учтен и опыт работы айнзацкоманд: участие в расстрелах сильно сказывалось на психике палачей, а потому санкционировали поиск новых методов, позволявших возвести дистанцию между убиваемыми и палачами. Этот метод был быстро найден в виде использования газа.

Первым, еще в декабре 1941 г., заработал вышеупомянутый лагерь в Хелмно, где людей уничтожали в газенвагенах (специально сконструированных грузовиках, в кузов которых направлен выхлопной газ, убивавший всех здесь находившихся). Отметим, что параллельно «душегубки» применялись для ликвидации евреев на территории Советского Союза.

Однако на этом не остановились. По итогам Ванзейской конференции определилась «ближайшая задача» в политике Холокоста: уничтожение около 2,3 млн евреев. Нацисты позднее дали этому «мероприятию» кодовое название «Операция Рейнхард». Все, кто был связан с нею, приносили клятву, обещая не распространять никакую информацию о проделанной работе. Убийства евреев должны были осуществляться преимущественно в трех новых лагерях: Белжеце, Собиборе и Треблинке, начавших действовать в 1942 г. Эти лагеря смерти были оснащены камерами, в которые подавались выхлопные газы дизельных двигателей и двигателей внутреннего сгорания. Жертвами стали не только евреи генерал-губернаторства (куда были свезены также евреи из западной части Польши и из Германии), но и других стран Европы, включая СССР. Всего здесь уничтожили 1,7 млн евреев. Причем за 1942 г., если довериться перехваченной британской разведкой телеграмме, количество жертв составило 1 274 166 человек. Из них в Собиборе 101 370 человек, в Белжеце – 434 508, Треблинке – 713 555, Майдаке – 24 733²⁹. Отметим, что параллельно в качестве лагерей смерти стали функционировать и «традиционные концлагеря», а именно Аушвиц (он же – Освенцим) и Майданек (находился под Люблином). С конца 1943 г., т. е. с ликвидацией Белжеца, Треблинки и Собибора, именно

²⁸ Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление.... С. 38.

²⁹ Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2018. С. 232.

Аушвиц превратился в ключевой «лагерь смерти». Наиболее печальную известность он получил в 1944 г., когда за считанные месяцы здесь были убиты около 435 тыс. венгерских евреев³⁰.

Мы хотим особенно подчеркнуть: в оккупированных странах западной и центральной Европы нацисты не позволяли себе уничтожать евреев открыто и публично, как в Киеве, Риге или Ростове-на-Дону. Нацисты скрывали уничтожение, а на оккупированной территории Чехии даже создали «образцово-показательный» лагерь в Терезиенштадте, в который уже под конец войны возили иностранные делегации из нейтральных стран с целью убедить в ложности сведений о массовом уничтожении. Ведь официально речь шла о переселении европейских евреев, которых через транзитные лагеря отправляли на восток, обещая предоставить работу. Эту иллюзию немцы поддерживали в жертвах вплоть до того, как те попадали в газовые камеры. В отношении советских евреев такие церемонии считались излишними.

Мы не будем подробнее останавливаться на функционировании лагерей смерти: на примере Собибора дальнейшие материалы нашего сборника раскрывают этот вопрос. В целом же, тема Холокоста может содержать безграничное число вопросов и нюансов. Сейчас же мы хотели бы остановиться подробнее на двух проблемах, которые, по нашему мнению, недостаточно получают сегодня освещение в публичном пространстве России.

Одна из наиболее тяжелых и сложных страниц – роль «тех, кто стоял рядом» (bystanders, если использовать англоязычное понятие). Они могли лично никого не убивать, а их действия ранжировались от молчаливого одобрения до выдачи евреев оккупационным властям и прямого соучастия в убийствах (например, конвоирование обреченных к местам расстрела). После войны все они хранили молчание и отрицали сопричастность. В конечном счете далеко не всегда известных фактов достаточно, чтобы выдвинуть официальные обвинения. Еще больше масла в огонь подливали те, кто предпочитал писать о «коллективной вине», что откровенно играло на руку реальным преступникам, которые получили возможность релятивировать свои действия и переключить внимание общественности на более абстрактные вопросы. Как отмечала Х. Арендт: «Для меня квинтэссенцией моральной неразберихи всегда была послевоенная Германия, где те, кто лично ни в чем замешан не был, уверяли сами себя и весь мир в том, сколь глубоко их чувство вины, в то время как лишь немногие из настоящих преступников были готовы хотя бы к малейшему покаянию»³¹.

Отчасти именно поэтому Х. Арендт предложила отличать вину и ответственность. Первая всегда индивидуальна, она определяется персонально для каждого и должна быть доказана в судебном порядке. Ответственность же предстает более широкой категорией и относится ко всем, кто в той или иной степени был причастен к проводимой политике уже в силу того, что были рядом, что включает и тех, кто стоял около расстрельной ямы под Понарами, и тех, кто на выборах голосовал за Гитлера. Как поясняла Х. Арендт: «есть два необходимых условия коллективной ответственности: я должен считаться ответственным за что-то, чего я не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе (коллективе), которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны, то есть членства, крайне непохожего на деловое партнерство»³². В данном случае речь идет о политической (т. е. коллективной) ответственности, возникающей ввиду членства в определенном политическом организме: если мы считаем себя наследниками великих деяний и побед, то неизбежно становимся ответственными и за проступки своих предков. Только полное самоустранение от участия в общественной жизни может позволить снять с человека ответственность за проводимую преступную политику. Отказ от собственного морального суждения (то есть практических суждений о том, что есть хорошо и плохо) позволил тысячам немцев сотрудничать с режимом,

³⁰ Гутман И., Галиль Н. Катастрофа и память о ней. [Иерусалим], б.г. С. 186.

³¹ Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2014. С. 59.

³² Там же. С. 207.

строя свои карьеры и живя так, как если бы нацистская Германия была обычным государством. Послевоенные известия о зверствах нацистов в немецком обществе вызвали возмущение, но не моральное негодование. «Действительно странно было бы приходить в моральное негодование от речей нацистских главарей, чьи взгляды были давным-давно известны», – иронично отметила Х. Арендт.

Устойчивость нацистского режима зиждилась на тех, кто не был ответственен за приход НСДАП к власти, но решил подстроиться под сложившуюся ситуацию, полагая, что не должен выносить личные моральные суждения о правильности своих поступков. С учетом широкой поддержки Гитлера, первоначальных экономических, социальных и политических успехов оппозиция казалась чем-то немыслимым, как если бы пришлось идти против духа времени, самого воплощения Истории. Уже потом бывшие нацисты пытались изобразить себя в качестве «шестеренок» большой политической машины: безусловно, если именно так представлять политическую жизнь государства, то вопрос об ответственности окажется во многом бессмысленным. Именно за этими формулировками и пытались прятаться в послевоенные годы многие сторонники нацистского режима, правда, при этом в немалой доле лицемеря: особенность нацистского государства как создающего тоталитарное общество заключается в том, что режим требует от каждого участника общественной жизни поддержки установленных принципов. И оказалось так, что именно добропорядочная часть общества первая подчинилась нацизму, сменив одни безоговорочные моральные нормы на другие, те, которые иначе как преступными назвать нельзя. Для них была важна собственно привычка придерживаться тех или иных норм, в то время как лишь немногие были готовы самостоятельно судить и выносить решения о том, как должно вести себя.

Немецкий социолог З. Бауман выделял три ключевые технологии «управления нравственностью», сделавшие возможным Холокост: социальное производство дистанции (выше мы писали об удалении евреев сначала из общественной жизни, а затем их переселение в закрытые гетто), формирование равнодушия к положению тех, кто считается Другим (наиболее активно этим занималась пропаганда), а также «замена моральной ответственности на техническую, эффективно скрывающую моральную значимость действия»³³. Под последним понимается господство инструментальной рациональности, в соответствии с которой тысячи немцев стремились воспринимать свое соучастие в функционировании машины уничтожения как выполнение технических заданий, поставленных свыше.

В историческом плане вопрос ответственности и вины является еще более сложным, если обратиться к тому, что происходило на оккупированных территориях. Например, для польского национального сознания до сих пор неприятным фактом остается антисемитизм многих патриотически-настроенных поляков, который толкал их на соучастие в политике Холокоста. В 2000-е гг. резонанс вызвали книги историка Яна Томаша Гросса. В 2000 г. вышла его работа под названием «Соседи, или История уничтожения еврейского местечка», в которой он писал о событиях 10 июля 1941 г. в д. Едвабно. Историк доказывал, что уничтожение местных евреев было делом рук их соседей из числа поляков. Именно этот тезис вызвал широкий резонанс: на протяжении десятилетий формировалось представление о поляках как жертвах нацистской оккупацией, а теперь оказывалось, что жертвы параллельно также могут быть убийцами.

Не меньший публичный отклик получила и его вторая книга «Золотая жатва» (2011 г.), в которой акцент делался на экономической мотивации поляков в соучастии в политике геноцида. Например, о том, как жители деревень, окружавших лагеря смерти, активно торговали с охранниками: в обмен на золото жертв местные жители поставляли алкоголь, еду, а также оказывали сексуальные услуги. С приходом немцев в деревнях местные жители также нападали на своих односельчан-евреев, а убийства непременно сопровождалось грабежами. Точно также

³³ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 235.

прибыльным оказывалось и соучастие в организуемых нацистами облавах. Не менее позорным стало появление шамальцовников, тех поляков, которые шантажировали бежавших из гетто евреев. В обиходном языке эти действия назывались «вытапливанием жира»³⁴. Однако это не отрицает того, что тысячи поляков под угрозой своей жизни укрывали у себя евреев. За это они получили потом звание Праведников народов мира. К сожалению, отношение к ним в Польше было неоднозначным: немало было и тех, кто, укрывая беглецов из гетто, вымогал у них крупные суммы денег. Показательна цитата из «Церковного отчета из Польши за июнь – середину июля 1941 г.», составленного подпольщиками и переданного в правительство Польши в изгнании (т. е. в Лондоне): «особым проявлением Божьего Промысла, что немцы, помимо всяческого вреда, какой они причинили и продолжают причинять нашей стране, в одном этом отношении положили доброе начало, показав возможность освобождения польского общества от еврейского грабежа, и открыли нам дорогу, по которой – конечно, не так жестоко и не так грубо – нам надлежит идти»³⁵.

Ограбление евреев продолжалось даже после их убийства. В частности, уже в послевоенные годы места, где ранее находились лагеря смерти (те же Треблинка или Белжец), стали центром притяжения местных жителей, которые перекапывали территорию и искали золото и другие предметы. Ведь многие обреченные на смерть выкидывали свои ценные вещи, не желая, чтобы они достались нацистам. Теперь их поисками занимались мародеры. В некоторых случаях жители не останавливались ни перед чем: например, директор кирпичного завода, располагавшегося около Белжеца, нанял группу «ныряльщиков», которые работали около выгребных ям лагеря смерти и приносили весьма богатую добычу. В отчете двух польских чиновников, которые посетили в сентябре 1945 г. Треблинку, содержатся следующие сведения: «Нужно упомянуть, что на территории, где находится Тремблинка, господствуют чудовищные отношения. Население, обогатившееся золотом, вырытым из могил, занимается грабежом и ночными нападениями на соседей. Мы пережили огромный страх, когда в одной халупе, в нескольких сотнях метров от той, где мы ночевали, женщину жгли огнем, добываясь таким способом, чтобы она выдала место, куда спрятала золото и ценности»³⁶.

Не многим лучше ситуация складывалась и на территории оккупированной Литвы, где в годы оккупации были убиты 200 тыс. евреев, т. е. 97 % их предвоенной численности. Эти убийства совершались преимущественно литовскими коллаборационистами, причем нередко соучастие в преступлениях мотивировалось экономическими причинами. Как в дневниках подметил местный житель К. Сакович: «Для немцев 300 евреев – это 300 врагов человечества, для литовцев же это – 300 пар обуви, белья и т. п.»³⁷. В 2017 г. книга литовского общественного деятеля Р. Ванагайте «Свои» вызвала в стране широкий резонанс, т. к. ее цель состояла в том, чтобы показать роль именно литовских националистов (в том числе и чествуемых сегодня как национальных героев) в политике уничтожения³⁸.

Эта проблема актуальна и для других территорий бывшего СССР. Так, российский историк Л. Симкин приводит следующие отрывки из уголовного дела, которое рассматривалось военно-полевым судом 8-го гвардейского танкового корпуса в январе 1944 г. в отношении ряда советских коллаборационистов. В частности, речь идет о Е.Г. Устинове, 1905 г.р., выходец из семьи крестьян-середняков, маляре, который в конце сентября 1941 г. активно помогал немцам выявлять и расправляться с теми евреями, которые пытались избежать гибели в Бабьем Яру: «Вечером я нес ведро вина к себе на квартиру... По пути я услышал шум в садике и

³⁴ Гросс Я.Т. Золотая жатва. М., 2017. С. 89.

³⁵ Там же. С. 108.

³⁶ Там же. С. 29.

³⁷ Там же. С. 44.

³⁸ См.: Ванагайте Р., Зуросф Э. Свои. Путешествие с врагом. М., 2018.

вернул туда. Подойдя ближе, я увидел, что люди закапывают пойманных евреев. Увидев это, я оставил ведро с вином своему сыну Николаю, а сам сбегал за лопатой и стал помогать закапывать. Всего мы закопали 6–7 человек, некоторые из них были еще живы»³⁹.

Другая страница истории Холокоста, которая стала раскрываться сравнительно недавно, это судьбы евреев-солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в германском плену. Это особая категория жертв национал-социализма, испытывавших на себе преследования, направленные как против евреев, так и против красноармейцев. Как пишет П.М. Полян: «В немецкий плен в годы войны попало в общей сложности 200 000 военнослужащих-евреев из различных стран. Но только военнопленных из СССР (как и Польши) Германия вывела из-под защиты международного права. После 22 июня 1941 г. немецкая политика по отношению к евреям-военнопленным и её нормативная база претерпели качественное изменение. Она проводилась в контексте сплошного выявления и последующей тотальной ликвидации всего еврейского населения. Хронологически первыми жертвами расстрелов среди пленных красноармейцев стали комиссары и евреи. Так, политкомиссар Зарин из 178-го строительного батальона, взятый в плен 22.6.1941 123-й пехотной дивизией вермахта, в тот же день был расстрелян в 20.35. Подчеркнем, что непосредственными убийцами были военнослужащие регулярной немецкой армии»⁴⁰.

Нужно понимать, что «Приказ о комиссарах» предписывал убийство именно представителей политического руководства армии: «схваченных в бою или при сопротивлении, их следуют, как правило, уничтожать на месте, применяя для этого оружие». Однако «на местах» командиры частей и подразделений могли вольно и достаточно трактовать этот приказ, ведь согласно официальной пропаганде евреи и коммунисты отождествлялись. А потому на практике мы сталкиваемся с убийством простых евреев-военнопленных. Однако 17 июля 1941 г. Р. Гейдрих (глава РХСА) выпустил «Боевой приказ», согласно которому уже все евреи должны были быть ликвидированы.

Известны случаи несогласия высших офицеров с приказом о комиссарах, однако это не привело к его отмене. Только в июле 1942 г. наметились изменения, когда только за сам факт принадлежности к политическому руководству армией перестали расстреливать, однако это никак не относилось к разоблаченным евреям. Специально отметим, что на практике при захвате пленных непосредственно командир части или подразделения мог принимать решение о расстреле, не вовлекая в это военно-судебные органы вермахта. Порою за евреев принимали и представителей других этнических групп, которые также могли подвергаться расстрелам на месте. Известен случай с Яковом Джугашвили, сыном Сталина, который чуть ли не был убит как еврей. Потому нормативную базу стоит отличать от того, что реально происходило на фронте. Негласным образом на первом этапе войны руководство поощряло не только сокращение «еврейского населения», но и общего количества военнопленных. Здесь нужно говорить не столько о расстрелах как таковых, сколько о создании тех условий, которые способствовали гибели. Ссылки на обстоятельства военного времени и на якобы невозможность обеспечить сохранение жизни большому количеству пленных использовалась нацистами как самооправдание.

Число военнопленных-евреев в германском плену варьируется, по разным оценкам, от 60 до 85 тыс. человек (около 94 % из них погибли). То, что А.А. Печерский и его товарищи, А.М. Вайспапир, С.М. Розенфельд и другие, оставались живы в течение двух лет пребывания в плену объясняется прежде всего тем, что поначалу им удавалось скрывать еврейское происхождение, а потом они были сконцентрированы в Трудовом лагере СС. Их все равно планировали уничтожить, для чего и отправили в Собибор в сентябре 1943 г. Кроме того, крепкое

³⁹ Симкин Л. Коротким будет приговор. М., 2015. С. 65–66.

⁴⁰ Холокост на территории СССР. Энциклопедия... С. 168.

здоровье, помощь товарищей по плену помогли выжить. Все это как раз отражено в воспоминаниях, публикуемых ниже.

Военнопленные евреи стались скрыть этническую принадлежность, при опросах они «меняли» и фамилию, и имя, и отчество (вплоть до места рождения). Порою подобным образом удавалось спасать жизнь. Но в дальнейшем им приходилось жить в страхе разоблачения. Как правило, этим занимались их «товарищи» по плену, которые во имя отдельных материальных благ (от папирос до получения вещей выдаваемого) обрекали людей на верную смерть. Впрочем, и сами нацисты проводили медицинские осмотры в бараках или в строю, обращая внимание как на обрезание, так и на другие «еврейские признаки» (например, таковым считалась картавость). Однако и здесь сохранялась надежда на выживание, если удавалось доказать, например, что обрезание было сделано ввиду медицинских показаний. Некоторые вспоминали, что этот же обряд есть и у мусульман. Однако большинство военнопленных-евреев были спасены сочувствующими людьми, т. е. теми, кого в Израиле назовут Праведниками народов мира. Как и остальные советские военнопленные, военнопленные-евреи не получали от Германии или Австрии компенсаций вплоть до 2003 г.

Касаясь вопроса сопротивления евреев, не только из числа военнопленных, следует сказать, что стереотип «шли безропотно на бойню» оказался одновременно столь же вреден, сколько и живуч. В первые 3–4 десятилетия изучение и осмысление истории Холокоста, особенно в Израиле, приоритетным считало сбор фактов о конкретных местах трагедий, создание мемориалов памяти погибших (Яд-Вашем), поиск имен спасителей. Евреи Европы выступали прежде всего в качестве жертвы, а в отношении СССР тем более это было объяснимо, потому что большинство погибших здесь составляли женщины, старики, дети (взрослые мужчины в основном были на фронте). Участие конкретных евреев, граждан разных стран в борьбе как бы «растворялось» в огромном массиве антинацистского Сопротивления. Изучение самостоятельного сопротивления евреев нацизму в разных его проявлениях началось довольно поздно, к сожалению. И не получило пока такого мемориального статуса и значения в Европе, США и даже Израиле, как память о жертвах.

Так, евреи играли заметную роль в советском партизанском движении. Как утверждает И.А. Альтман: «Нигде в других оккупированных нацистами государствах Европы не было такого количества вооруженных мстителей из гетто. Они скрывались в лесах не только для того, чтобы спастись, но и чтобы вести борьбу против оккупантов. Исследователи приводят разные цифры о численности советских партизан-евреев: от 15 000 до 30 000 человек». В ходе побегов из гетто многие евреи либо присоединялись к действующим отрядам (например, отряд имени Щорса во главе с капитаном П.В. Пронягиным достаточно охотно принимал таких беглецов в свои ряды), либо образовывали свои собственные. Так, на территории Беларуси, число евреев, ставших участниками партизанского движения, оценивается примерно в 5 тыс. человек. Эта цифра не включает членов самостоятельных еврейских партизанских отрядов и семейных лагерей⁴¹.

Политика Холокоста продолжалась вплоть до 1945 г., т. е. даже на грани поражения, нацисты продолжали убивать евреев и тратить на это те ресурсы, необходимые для фронта. Сверхрационально организованное убийство, которое сложно объяснить рационально – этот парадокс привлекал внимание многих исследователей. Именно этим Холокост отличен от многих других массовых убийств истории XX в. Возможно, внимательно изучая эти события в контексте общей политики геноцида нацистской Германии мы сможем лучше понять неочевидные темные стороны европейской цивилизации.

⁴¹ Там же. С. 728–729.

Сельма Ляйдесдорф (Нидерланды)

Собибор глазами выживших

Многое было написано о Собиборе, об этом мрачном пустынном месте, затерянном в болотах Восточной Польши. Эстер Рааб, одна из выживших, отметила во время интервью, что «действительностью лагеря был страх». Убийства и смерть были непредсказуемыми, никто не знал, кого убьют следующим, где и за что. Люди прибывали туда из разных уголков мира, привезенные в грузовых вагонах. Они днями томились в них, внезапно открывались двери. Ослепленные дневным светом, заключённые немедленно слышали выкрики команд, начинались побои. Для многих, прибывших с запада, это физическое насилие было в новинку; для тех, кто прибыл из гетто – лишь подтверждением своей судьбы; и для многих – это было неожиданно. Всё должно делать быстро, скорость навязывалась, чтобы усилить панику и нервозность. С того момента, как люди покидали поезд, они становились изгоями без каких-либо прав. У них не было имён, законного статуса, гражданских прав, они мало чем отличались от животных на бойне. Сопротивление казалось бесполезным, и ужасная вонь сжигаемой и гниющей плоти, наполнявшая воздух, не давала продохнуть. На первый взгляд железнодорожная станция казалась весьма мирной, но то, что происходило потом, заставляло людей понять, что за пасторальной картинкой лесного домика, первого здания, что они видели, их ждал мир насилия и смерти. И всё же многие верили, что, если они будут упорно работать, то сильнейшие выживут.

Эту комедию черного юмора поддерживал обершарфюрер Герман Михель, произносивший приветственную речь одетым в белое пальто, чтобы сложилось впечатление, будто он доктор. Он объявлял евреям, что перед тем, как начать работу, им следует вымыться и пройти дезинфекцию для предотвращения распространения болезней. Раздетых пленников вели по *die Schlauch* (туннелю) – проходу шириной три-четыре метра и 150 метров длиной, который эсэсовцы в лагере цинично называли *Himmelfarstraße* (дорога Вознесения или Путь в небеса). Один эсэсовец вёл пленных, а пять или шесть украинцев замыкали колонну и подгоняли. Стоило раздеться – и времени подумать уже не оставалось; как только люди оставались голыми, начиналось просто невообразимое насилие: людей травили собаками и избивали.

Восстание в Собиборе было результатом перелома в войне, медленной победы Красной Армии, которая означала, что Германии нужна была рабочая сила. Немцы хотели сделать лагерь производственной единицей, которая могла послужить военным нуждам. Бесконтрольное убийство евреев больше не было самой выигрышной стратегией, поскольку убийство всех евреев стало проблематичным в стране, нуждавшейся в рабочей силе: ведь почти все мужчины трудоспособного возраста оказались на фронте. Однако прокормить всех трудящихся тоже не представляло возможности. Дилемма была острой и в начале войны. Американский историк Тимоти Снайдер пишет: «Одним из надёжных вычислений стала еврейская производительность в сравнении с еврейским потреблением калорий. В те моменты, когда пища была важнее, евреев убивали; в те моменты, когда труд казался более важным, их миловали. На столь чёрном рынке евреи были лишь экономической единицей, с тенденцией к полному уничтожению»⁴². Аргументы Снайдера в первую очередь касаются того, что пища для немцев была нужнее, но к 1943 г. труд стал более важен. В обоих случаях мы видим, что политика немцев в отношении евреев никогда не была детерминирована только одним уже принятым решением, а вырабатывалась в результате размышлений, включающих различные политические и экономические

⁴² Snyder T. Black Earth: The Holocaust as History and Warning. London, 2015. P. 201.

факторы. Снова и снова возникали новые условия, и с продвижением Красной Армии решения всё чаще и чаще принимались исходя из ситуации. Немцы хотели построить в лагере новую зону, чтобы хранить и перерабатывать русское оружие, для чего им требовались сильные мужчины. Потому в июле 1943 г. Гиммлер принял решение о превращении Собибора в концентрационный и трудовой лагерь, который бы поддержал немецкую промышленность и усилия в войне.

Через призму рассказчика...

Далее мы уделим основное внимание тому лагерному миру, в котором оказался А.А. Печерский, а также вопросу, как он начал организовывать восстание. Важно помнить, что лагерь состоял из множества миров. Никто из заключённых не видел полную картину происходящего, даже многие немцы не знали. Люди понимали, что их могли убить и сжечь, но многие не знали, что там были и газовые камеры, а если бы и знали, не смогли бы себе представить такой ужас. Сразу же после восстания Собибор был стёрт с лица земли, так что у нас нет иного выбора, кроме как писать его историю по свидетельствам тех, кто пережил мятеж, и надзирателей, которым пришлось оправдываться в суде.

Документы, созданные на основе устных свидетельств, не являются прямым источником, а воспоминания меняются со временем. Они могут показаться неточными, потому что содержат личную интерпретацию фактов, хранящихся в памяти, адаптированных и изменённых. В письме, написанном в 1965 г., Печерский упоминал, что ему хорошо известно о недолговечности памяти: *«Могли ли мы, бывшие узники, сосчитать, сколько там было башен с пулемётами? Лагерь был окружен башнями, более того, третий лагерь, где располагались газовые камеры, имел свои башни. У нас не было права ходить по территории лагеря. Вот почему информация столь противоречива»*⁴³.

На основе множества автобиографий и интервью бывших узников я могу заключить, что выживание – это сочетание удачи, судьбы и духовной силы, позволяющей не сдаться. В большинстве рассказов, поведанных лично мне или хранящихся в архивах, история восстания и побега переплетается с тем периодом, который наступил потом, когда бывшие узники были в бегах и затем оказались в безопасности. Всё, что написано о Собиборе, следует читать, держа в голове, что «объектив» разбит множеством личных точек зрения. Люди, описавшие лагерь, могли смотреть только через призму того, что случилось с ними после восстания, а мы в свою очередь знаем, что та часть истории, которую они рассказали, отныне часть повести других выживших и исторических исследований. Не существует аутентичной истории о Собиборе, и давайте не забывать – никто из заключённых не знал, что происходит на его обширной территории, доступ во многие места был запрещён, и немцы старались сохранить в секрете массовые убийства. Поэтому любые описания лагеря обречены быть частичными, к ним присоединяются другие истории, и любой, кто использует эти истории должен понимать, что воссоздать полную картину невозможно. Однако на этой основе мы все же способны выработать общее представление.

Сила Печерского не подлежит сомнению; удивительная история о его силе и спасении была пересказана много раз. Мы должны восхищаться тем, как ему удалось осуществить столь дерзкий замысел всего за двадцать два дня. Ранее, описывая злоключения Печерского в концлагере в Минске, я задавалась вопросом, как он смог выжить, но еще более весомым доказательством невероятной силы духа стало то, что в Собиборе он оставался начеку и развил бурную деятельность.

⁴³ Yiddish Scientific Institute (YIVO). New York Folder 144. RG 116-Poland. Aleksandr Pechersky to Reuven Ainsztein, 12 February 1965.

Что касается прибытия Печерского и начального периода его нахождения в лагере, я полагалась в основном на два описания очевидцев. Первое можно найти в упомянутом ранее сборнике свидетельств выживших в Собиборе, рассказанных историку Холокоста Мириам Нович и опубликованных в 1980 г.⁴⁴. Мой второй источник – это сделанный в 1956 г. перевод на голландский язык одних из воспоминаний Печерского,⁴⁵ которые еще в 1952 г. были на польский язык переведены Институтом еврейской истории (далее «документ 1952 г.»)⁴⁶. Голландский переводчик этих показаний отметил, что это свидетельство, вероятно, единственный источник информации о Собиборе того времени, помимо депортационных списков Красного Креста⁴⁷.

Однако восстание было освещено в 1943 г. в подпольной газете «Голос Варшавы»⁴⁸. Время от времени я наткнулась на неопубликованные воспоминания А.А. Печерского 1972 г., некоторые другие написанные им записки и свидетельские показания, как, например, те, что он давал заочно, когда выступал свидетелем в тех иных процессах 1960–1970-х гг. Ему пришлось давать показания в Москве ввиду запрета покидать СССР. Итоговый документ подвергся жёсткой цензуре со стороны КГБ⁴⁹.

Наиболее подробное раннее описание Собибора сделали на русском языке Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) и Вениамин Александрович Каверин (1902–1989). Текст был опубликован в России, стал широко известным и вызвал массу споров. Гораздо позже он был перепечатан в «Чёрной книге» и стал доступен англоязычным читателям⁵⁰. Антокольскому принесли известность его работы о трагедии евреев во время Холокоста. Он стал лёгкой мишенью для более поздних антисемитских выпадов, когда, согласно доминирующей идеологии, существовала только антифашистская борьба с нацистами, а пристальное внимание к евреям признавалось нежелательным. Все, кто страдал или сражался, были объединены под единым названием «советские граждане», и особый статус религиозных или культурных меньшинств не принимался политикой того времени. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом, стартовавшей после 1948 г., Антокольскому предъявили обвинение в сионизме и буржуазный национализме.

Одним из важных источников для «Чёрной книги» стали показания Зельмы, которая встретила своего будущего мужа Хаима Энгеля в лагере. Он был родом из Польши, она из Голландии, и вместе они стали известной парой среди выживших в Собиборе. Сельма работала на складе, где сортировали, чистили и отправляли в Германию вещи из багажа жертв⁵¹. Когда я брала у нее интервью в 2010 г., мы долго говорили об эмоциональном грузе такой работы. Она сортировала детские вещи, находила украшения, письма, дневники. Она знала, что люди, которым принадлежали эти вещи, убиты, отчего она всегда пребывала в подавленном состоянии. Для меня было честью встретиться с ней снова в 2011 г. Она была одной из тех, кто дал интервью для моего проекта «Длинная тень Собибора», реализованного при поддержке Фонда Собибора в Голландии. Вайнберг и Энгель сбежали из лагеря вместе и пережили долгий путь,

⁴⁴ Novich M. Sobibor, Martyrdom and Revolt. New York, 1980.

⁴⁵ Вероятно речь идет о брошюре А.А. Печерского, изданной на идише в 1946 г. в Москве. *Прим. ред.*

⁴⁶ Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952.

⁴⁷ Nederlands instituut voor oorlogsdocumentatie (Netherlands institute for War Documentation, NIOD). Dossier 804.

⁴⁸ Voice of Warsaw. 1943. 16 Nov. Публикация Варшавского комитета польской рабочей партии (No. 73/82, 16 Nov. 1943), информация о восстании евреев Собиборе, в которой также указывается, что ликвидация лагеря осуществляется очень быстро. Оригинал печатного экземпляра помещен штампом Яд Вашем и имеет номер М-141, file 191 20.

⁴⁹ Protocol Witness Statement, 17.07.1974, авторизованный перевод с русского на немецкий, доступен: Netherlands Institute for War Documentations: collection Jules Schelvis, nr. 804.

⁵⁰ Ehrenburd I., Grossman V. The Complete Black Book of Russian Jewry / trans. and ed. David Patterson. New Brunswick, London, 2002. P. 487–500,

⁵¹ Liempt A. De vrouw die Sobibor overleefde. Laren, 2010. См. также: Walsh A., Wijnberg Engel S. Dancing Trough Darkness: The Inspiring Story of Nazi Death Camp Survivors, Chaim and Selma Engel. Portland, ME, 2012.

закончившийся в Нью-Джерси. Энгель входил в центральную группу, планировавшую восстание, и он защищал Зельму во время побега.

Сначала выжившие буквально жаждали рассказать миру о том, что пережили, потому что, как и узники других лагерей, верили, что свидетельство – единственный способ поведать всем, что там происходило. Самый ранний рассказ Зельмы Вайнберг-Энгель о том, что происходило в Собиборе, был опубликован 22 сентября 1944 г. в *Amigo di Curacao*, газете, публикуемой в голландской колонии в Вест-Индии. Эта публикация предшествует освобождению Голландии в мае 1945 г. Другое раннее признание, на котором основывается «Чёрная книга», было сделано Бером (Довом) Моисеевичем Фрайбергом в 1946 г.⁵² Эти два свидетельства – самые ранние по времени. Описания Фрайберга очень натуралистичные, как если бы он верил, что, только рассказывая в таком стиле, он сможет убедить своих читателей. Например, он вспоминает: «Гестаповцы в лагере часто пинали детей и раскалывали им черепа. Они натравливали собак на беззащитных, и эти собаки были натасканы рвать людей на части»⁵³.

Возможно уже в 1945 г. (или в 1944), Фрайберг давал свидетельские показания в Хелме⁵⁴. Он описал путь длиной в три дня из Туробина в Собибор, а также целый год пребывания в нем. Что на самом деле происходило в газовых камерах и как убивали людей, он никогда не видел, но присутствовал при раздевании обречённых на смерть. Лидер подпольного движения Леон Фельдхендлер (как и многие заключённые, Фрайберг называл его Барух), рассказал ему об отравлении газом. Барух знал об этом, так как говорил с одним из охранников. В своем рассказе, который послужил основой для автобиографического очерка, опубликованного в 1988 г., Фрайберг описал процесс убийства. По его словам, как только люди понимали, что их ждёт, они предпочитали попытаться умереть, бросившись на колючую проволоку. От ужаса они старались погибнуть таким образом, чтобы хотя бы понимать, какие именно муки их ожидают.

Хоть некоторые и знали о беспощадной жестокости немцев, никто в действительности не представлял подробностей отравления газом, кроме тех, кто убирал газовые камеры. Эти люди не имели контактов с другими заключёнными или с внешним миром. Чтобы «враги рейха» не узнали о преступлениях, творимых в Собиборе, этих людей регулярно заменяли. «Заменять» – это был эвфемизм: после нескольких недель всех рабочих, работавших при газовых камерах, убивали. Те, кто сжигал мертвых, встречали такой же конец.

Вторая часть статьи о Собиборе в «Чёрной книге» посвящена восстанию, и здесь А.А. Печерский в центре повествования. Несмотря на это, читатель немного узнаёт о том, кем он был на самом деле или о его чувствах. В воспоминаниях, написанных для М. Нович, Печерский куда эмоциональнее «присутствовал», когда рассказывал о том, как он покидал Минск перед отправкой в Собибор. Приведенная информация очень похожа на документ 1952 г. В обоих текстах А.А. Печерский говорит, что день отправки начался в 4 часа утра на улице Широкая. Его слова передают весь ужас положения:

«Было всё ещё темно. Мы должны были явиться на Appelplatz. В этой ночной темноте мы стояли с нашими потрёпанными пожитками, ожидая 300-граммовую пайку хлеба на весь путь. На площади толпились люди, никто не осмеливался ничего говорить, напуганные дети цеплялись за юбки своих матерей. Было даже тише, чем обычно, хотя сейчас никого не пороли; ни на кого не плескали кипятком; не было овчарок.

Комендант Вакс, игравший со своим хлыстом, заявил: «Позже вас отвезут на вокзал. Вы отправляетесь в Германию на работы. Гитлер милостиво пожалует жизнь тем евреям, которые захотят честно работать на Германию. Вы поедете со своими семьями, и вам разрешается взять

⁵² Freiberg D. To Survive Sobibor. Jerusalem, 1998. Я использовала английский перевод 2007 г. YIVO, New York. Julian Hirschhaut. RG 104. Series I | Sobibor. 1945 (or maybe 1944). 25 July.

⁵³ Ehrenburd I., Grossman V. Ibid. P. 489.

⁵⁴ YIVO, New York. Julian Hirschhaut, n.p.

несколько единиц багажа»... По пути на вокзал мы шли мимо гетто. Когда они увидели нас, то начали кидать хлеб и другую пищу в нашу сторону.

В колонне были люди из гетто, им приказали явиться на улицу Широкая за день до этого. Мы слышали крики прощания, плач и стоны. Все знали, что может случиться с нами в ближайшем будущем. Семьдесят человек – мужчин, женщин и детей – затолкали в товарный вагон. Там не было ни нар, ни лавок. Не стояло вопроса о том, чтобы сесть или лечь. Иногда кто-нибудь один мог присесть на минутку. Встать было даже сложнее. Двери не открывались, трещины в закрашенных черной краской окнах были перекрыты колючей проволокой. Нам не давали никакой еды, никакой воды. Никому нельзя было покидать вагон, даже по нужде. Мы ехали четыре дня и не знали, куда поезд везет нас»⁵⁵.

Это краткое описание заставляет содрогнуться. Истощенные и обреченные узники гетто, расположенного недалеко от тюрьмы на улице Широкой, видели своих любимых, отправляемых в неизвестность, в полумраке раннего утра. Ранее многие видели, как людей отправляли в Малый Тростенец, расположенный неподалеку лагерь, где, как они знали, в душегубках убивали людей выхлопными газами. Но на этот раз колонна двигалась к вокзалу. Куда депортируют этих людей и что подразумевали немцы под «отправитесь в Германию»? Никто не знал. Мы не можем представить их печаль и отчаяние. В эту колонну остающиеся в гетто бросали еду, чтобы продемонстрировать солидарность и любовь, еду, в которой они сами так сильно нуждались.

⁵⁵ Novich M. Ibid. P. 89–90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.